

Р Е Л И Г И Я

В. Якубов

ПРАХ И ПЕПЕЛ

Дух Ветхозаветного канона – дух истории, временного потока, необратимого и неустановимого, начало которого вне самого времени /сотворение мира/, а конец – там, где времени больше не будет. Каждое событие неотменимо и потому значительно, и за каждым шагом истории – особенно, если это история богоизбранного народа – угадывается какой-то иной, провиденциальный смысл. Потому так важна и необходима историческая конкретность библейских персонажей и событий: кто, что, где, когда. Каждый миг священной истории значителен, потому что неповторим и оригинален, и ничего не происходит "начерно": дух современного "социального эксперимента" как нельзя более чужд Библии. Сначала эта конкретность – в пределах веков, затем сужается до десятилетий, лет, едва ли не дней. Но и Новый Завет начинается с родословия Иисуса Христа, чтобы и это, самое важное событие в священной истории – бого воплощение – включить в историю, в ее ряд и конкретное мгновение. При кесаре Августе, "во дни царя Ирода", а дальше еще меньший отрезок: правление Понтия Пилата, и наконец, пасхальная Тайная вечеря, ночь в Гефсиманском саду /с четверга на пятницу/, час третий, шестой, девятый... Смерть. Утро воскресения. Время все более сужается, как будто именно для того, чтобы совершить прорыв во вне временное пространство в какой-то точке. В этой-то точке – смерти со временем творится что-то неладное: умершие /т.е. из прошлого/ ходят по городу и пророчествуют /т.е. говорят о будущем, как бы уже побывав в нем/. А дальше время снова течет "нормально", но это уже иное, преображенное время, под знаком того, что "совершилось".

В этом всеизменяющем и одновременно ежемгновенно значительном потоке уже нет места классической, греческой ли-

тературной ситуации, где главное — герой и его подвиги, а не то, когда и где он живет: такие доблести, как слава, храбрость, честь, мужество, мудрость, стойкость, хитроумие — пригодятся всегда и везде, и могут служить образцом и примером. Поэтическое мышление Анны Ахматовой, более, чем у кого-либо из других больших русских поэтовозвучное библейскому, потому и привело ее к "Поэме без героя", где подлинный герой — эпоха.

И вот, погружаясь в этот мир библейской священной истории, испытываешь тем большее замешательство при встрече с книгой, которой эта история, казалось бы, чужда. Это книга Иова.

В самом деле. Уже о времени ее написания и действия высказывались самые различные предположения: от Царства Соломона до Второго Храма и царства Маккавеев. Все годится, и все необязательно. В книге Иова нет ни намека на конкретные исторические события, на судьбу и историю евреев, на Моисееву Тору, даже на национальность героев. Конечно, есть и другие библейские книги с неопределенной датировкой: Псалмы, Притчи, Песнь Песней, Экклезиаст, — либо с условной исторической привязкой: книга Эстер, книга пророка Ионы, Даниила. Но там это вызвано самим жанром книг: религиозные гимны, притчи создавались веками, притча /Иона/, невеселым размышлением /Экклезиаст/, апокалипсису /Даниил/ вовсе не важны конкретные исторические привязки, это не выключает их из потока священной истории, так же, как органически входят в состав книги или рукописи примечания, отступления, заметки на полях. Комментируя книгу, размышляя о ней, они сами немыслимы без нее, проникнуты ее миром, действием, словарем.

Книга Иова вовсе не такова. Не примечания, не размышления, не молитвы, даже не притча, хотя на притчу более всего она и похожа. Но в притцах всегда так все ясно, даже ес-

ли эта ясность парадоксальна. А в книге Иова нет ответа на тот самый вопрос, ради которого она написана. Вот и стоит она в библейском каноне, как некто "без лица и названия", о котором не знаешь, что и подумать. И это тем более раздражает, что в "литературном" отношении книга Иова ясна и даже изящна. Я говорю о ее конструкции. Опять-таки, в отличие от других библейских книг, она более походит на классическую греческую "литературу", хотя бы резко очерченным действием: пролог на земле /благополучная и праведная. жизнь Иова/, пролог на небе /спор сатаны с Богом/, бедствия Иова, утешения друзей, ответы Иова /очень четкая структура: речи трех друзей - ответы Иова, затем ... же порядок сно-ва, затем речи двух друзей - ответы Иова, - и речь четвер-того друга/, Глас Господень /довольно распространенный, тяго-текущий не то к 103 псалму, не то к гомеровским описаниям/, эпилог /возвращение Иову благополучия/. Разумеется, это все-таки литература, в том числе пролог на небе, иначе ос-тается только удивляться жестокости Бога, поставившего экспе-римент на живом человеке, чтобы только доказать свою пра-воту. Необходимо заметить, что вопрос о "литературности" того или иного библейского эпизода не имеет отношения к богоухновенности Писания; дары библейских авторов были различны, писали они по-разному, богоухновенность - в причастности к Духу Божию библейского текста.

Книга Иова действительно начинается как притча. Иов богат, благополучен и благочестив. Он действительно благо-честив, и это тем более ценно, что и богатство тому не по-меха, не лишило его страха Божия. Вот и за сыновей он при-носил жертвы: "может быть, сыновья мои согрешили".

Потом случилось то, что не так уж редко случается, особенно в неспокойные эпохи: на Иова ссыплются несчастья. Сыновья погибли, богатство исчезло, Иова поразила болезнь. Вот он и сидит теперь в пепле - знаке скорби и богоостав-ленности. Но он остается праведником. "Наг я вышел из чре-ва матери своей, наг и возвращусь, Господь дал, Господь и

взял; да будет имя Господне благословенно!" /1,21/. Или еще: "неужели доброе мы будем принимать от Бога, а злого не будем принимать?" /2,10/. Коль скоро Иов это говорит, значит благочестие его было действительно основано на вере, а не на благодушии /что часто и бывает/: Иов все принимает, что послал ему Бог. Таким застают его друзья, и сначала кажется, что они скорбят о нем больше него самого: они плачут, он молчит. Иов молчит семь дней и семь ночей. О чём он думает? Но кончается положенный срок траура, Иов начинает говорить. А друзья ему отвечают.

Здесь и начинается книга. Оба пролога и последующий эпилог написаны лаконично, словно это и впрямь необходимое литературное обрамление, и только Главное – страдание прородника, не одним Иовом испытанное, страдание несправедливое, бессмысленное, неотвратимое.

Вот тема книги: в чём смысл страдания человека?

Или по-другому: Где связь между божественным Промыслом и жизнью человека?

Или так: в чём смысл пребывания человека на земле?

"На что дан свет человеку, которого путь закрыт, и которого Бог окружил мраком?" /3,23/.

Об этом спрашивает Иов.

И не получает ответа.

То есть ответить ему, конечно, пытаются, и очень убедительно. Послушаем же друзей Иова, они-то мудрецы, да не сам ли Иов их и наставлял в свое время? Что же он может им возразить? И как еще могут утешить страдающего человека люди, безусловно верующие? Им кажется, что Иов непозволительно пал духом и, вероятно, они правы. "Падающего восставляли слова твои, и гнувшиеся колена ты укреплял. А теперь дошло до тебя, и ты изнемог, коснулось тебя, и ты упал духом," /4, 4-5/. Они говорят о том, что Бог справедлив: "Неужели Бог извращает суд?" /8,3/. Они очень в это верят, в эту справедливость как воздаяние добром за добро, гневом Божиим – за

зло. Они так в это верят, что впадают в рискованную риторику: "Вспомни же, погибал ли кто невиновный, и где праведные бывали искореняемы?" /4,7/; "Веселые беззаконных кратковременно" /20,5/; "Ибо Он по делам человека поступает с ним, и по путям мужа воздает ему" /34,11/. На это-то Иову есть что возразить: "Почему беззаконные живут, достигают старости, да и силами крепки?" /21,7/. Странно, как истинная, искренняя вера может заслонить реальность! Но неотразимый аргумент Иова, и не его одного — где же справедливость Божья, если вокруг столько зла, и страдают невинные — не смухают друзей Иова, ведь в остальном они действительно правы. Вот ход их мысли: либо Иов действительно согрешил, и ему надо покаяться и склониться перед волей Бога, либо здесь непостижимое для нас, но тем не менее справедливое действие Бога, и надо склониться перед Его волей, не требуя объяснений от Него. "Можешь ли ты исследованием найти Бога? Можешь ли совершенно постигнуть Всеышнего?" /11,7/. "Ты ли с Ним распространяешь небеса? Научи нас, что сказать Ему?" /37,18-19/; "Вседержитель! Мы не постигаём Его" /37,23/. Кажется, перед нами идеальный вариант теодици — богооправдания, тем более уместный, что Иов, как мы увидим, вызывает Бога на суд. Друзья же говорят ему о смирении, и правильно делают. Бога не познаешь разумом, и это Он нас создал, а не мы Его: как, в самом деле, бедный наш разум мог бы выдумывать до такой степени непостижимого Бога? Вера — это доверие, а не искус, и друзья Иова, конечно, правы, уча о доверили к Богу. Если мы страдаем, то Он нас либо наказывает, либо поучает. Третьего не дано.

Беда в том, что Иову необходимо именно вот это несуществующее "третье".

"Но я к Вседержителю хотел бы говорить, и желал бы состязаться с Богом". /13,3/.

"К Богу слезит око мое. О, если бы человек мог иметь состязание с Богом" /16, 20-21/.

"Еще и ныне горька речь моя; страдания мои тяжелее, —
стонов моих. О, если бы я знал, где найти Его, и мог подойти
к престолу Его!" /23, 2-3/.

Такими мольбами полны речи Иова. Он не выбирает слов, он противоречит сам себе: то говорит, что невозможно вызвать Бога на суд, то — он задел на Бога судебное дело. Буквально так. Не докричавшись до Бога, он тем не менее, как за соломинку, хватается за последнее: "Жив Бог, лишивший меня суда, и Вседержитель, огорчивший душу мою". /27,2/. Речь его сбивчива, порой темна, невнятно и это утверждение. Почему Иов ставит рядом исповедание Бога Живого и видимую несправедливость этого Бога? Почему так важно для него именно то, что Бог — жив? Не потому ли, что тогда не потеряна надежда на встречу с этим непостижимым Богом, гонящим своего праведника? "Вот, Он убивает меня, но я буду надеяться..." /13,15/. Верой в эту встречу жив сам Иов, хотя бы она принесла ему осуждение. "Если я виновен, горе мне! если и прав, то не осмелись поднять головы моей. Я пресыщен унижением; взгляни на бедствие мое" /10,15/.

А с друзьями Иов не спорит. Странное впечатление производит их диалог: он живо напоминает разговор двух глухих. Разве отрицают Иов непостижимость Бога, о которой говорят ему друзья? И он говорит о том же — но по-другому. Друзья, богословствуют, а Иов вопит о своем страдании. Сытый голодного не разумеет, и невозмутимый мудрец никак не столкнется со страдающим человеком: и чего ему надо? И вправду — чего? Друзья Иова логичны, но несправедливо было бы обвинить их в рационализме: они-то ведь все время и настаивают на том, что дела Божии постигнуть разумом нельзя; и потому мы должны смириться и не искать постижения непостижимого. Друзья Иова строят равновесную систему мира, где непостижимость Бога занимает свое, едва ли не главное место. А Иов хочет, в сущности, невозможного. Ему надо постигнуть Бога именно в Его непостижимости. Не разумом, не волей, не интуицией, не созерцанием. Личной встречей, как если бы он встретился с друзьями, не понимающими его. Не богохульствует ли Иов?

Не сумасшедший ли он? Может, страдания помутили его разум? Но, как кажется, не только страдания – причина странных речей Иова, его безумного желания: встречи с Богом.

Когда Адам согрешил, он спрятался от Бога. Что он чувствовал? Наверно, безумный страх: теперь он не может, как раньше, ходить перед Богом, он наг, беззащитен перед миром, неожиданно ставшим враждебным и жестоким. В сущности, наказание Адама земным трудом было милостью Бога: только так Адам и его потомки могли хотя бы частично избавиться от страха. Дни их были заполнены: трудом, любовью, бытом, весельем, искусством, музыкой, философией. Их быт, наложенный веками, казался им прочным, незыблемым, даже священным. Эти земные дни можно было посвятить Богу, можно было и заслониться ими от Него. Во всяком случае, они давали уверенность: сегодня как вчера, завтра как сегодня, что завещано предками, то и мы завещаем потомкам, тяжек труд, но есть земля, почва под ногами. Так казалось – до поры до времени. Случались дни и даже эпохи, когда все рушилось, что казалось незыблемым, и снова человек оставался обнаженным на земле, покрытый прахом и пеплом, наедине со своим страхом, и бегством от Бога, и каждой немедленной встречи с Богом. Значило ли это, что земная жизнь, история не имеет смысла? Нет, но смысл ее выявляется именно тогда, когда она рушится в видимом хаосе. Ибо смысл истории – присутствие в ней Бога, а в Боге мы нуждаемся более всего тогда, когда нет ничего, что могло бы заслонить Его, и не на что опереться. Тогда мы понимаем, что вся наша земная "почва" – даже если она прекрасна и благословенна – все-таки временная. Потому и нужна книга Иова в библейском каноне: она не столько корректив к библейскому историзму, сколько выявление истинной его сущности: присутствие Бога в страдающем мире.

Прах и пепел разделяют Иова и его друзей – поэтому им не понять друг друга. Рушится привычная жизнь, и выявляется полузабытое чувство страха, потерянности, то именно, что так хорошо знакомо людям нашего катастрофического века, когда никто не знает, что будет с ним завтра. То чувство,

которое экзистенциалистская философия называет заброшенностью человека в мире, а Церковь – богооставленностью. Где ~~никогда~~ нет Бога – там смерть, мертвые кости, прах и пепел убитых во рвах /"и уподоблюся исходящим в ров"/ и за бесчисленными колючими проволоками нашего века. Пепел. Смерть. Крест. И с этой опаленной земли – безумный вопль к Богу: "Для чего Ты скрываешь лицо Твое, и считаешь меня врагом Тебе?" /13, 24/. "И зачем было не простить мне греха и не снять с меня беззакония моего? ибо вот, я лежу во прахе; завтра поищешь меня, и меня нет" /7,21/. "Господи, для чего Ты меня оставил...".

Этим нельзя жить. Это не годится для нормальной, благословенной Богом человеческой жизни. Но без этого в этой жизни не хватает какой-то соди. Мудрость Иова, возвращенная ему друзьями, оказывается недостаточной в кризисной ситуации, именно потому, что она самодостаточна, законченна; с ней можно жить, но нельзя страдать и умирать, в ней нет выхода в запредельность, в невозможность. Смирению Иова и его друзей перед Богом совсем уж неожиданно откликается голос богоуборца Ницше, с его язвительно-насмешливым: "Глупо читать нотации землетрясению." Но новая вера Иова, безумное его желание – дерзновенней самого богоуборства.

И в этой дерзновенности Иову через века откликается другой голос – Ивана Карамазова: не Бога не принимаю, а мира Его не принимаю. И самого Достоевского: если бы, предположив невозможное, оказалось, что Христос вне истины, а истина вне Христа, то я остался бы с Христом, а не с истиной. Бунт Ивана, "бунт" Достоевского – все тот же вопль Иова к Богу. Нельзя принять, "объяснить" страдания тем, что они для "чего-то" нужны – тогда будь проклято это "что-то", даже самое распекрасное! Вот почему так раздражает Иова философия его друзей: чем больше они все объясняют, тем более невмоготу его страдание. Не нужна истина, если она не может оживить мертвые кости, восстановить жизнь из пепла. Нужен Тот, Кто есть жизнь.

иной

Книга Иова выводит нас на какой-то уровень веры, иной уровень духовности. Эта вера недедома была благочестивому Иову — она открывается Иову страдающему. Здесь предел Ветхого Завета, — завета с Богом, ведущим свой народ. А за этим пределом Бог не впереди Своего народа, а среди него, один из нас, подобный нам по человечеству, страдающий с нами сострадающий нам. Только такой Бог мог сказать: "Блаженны плачущие, ибо они утешатся... Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся... Блаженны изгнанные за правду..." /Матф., 5/. Что может быть дальше от блаженства, чем страдание? И все-таки — блаженство, и не только на небесах, а здесь, на земле: страдание — редкостный случай непосредственно узнать Бога. Если бы Иов не страдал, книга Иова не была бы написана. Как писал Пастернак: "Завидна участь расстоптаных. Им есть, что рассказать о себе."

Иов рассказывает. Друзьям его понять трудно. Но он хочет все, раз и навсегда, выложить Богу. Но для этого нужно, чтобы Бог был здесь, рядом.

И Бог отвечает Иову.

"Где был ты, когда Я полагал основания земли? Скажи, если знаешь?" /38,4/.

Вот вопрос Иову, его прузьям, нам всем. Казалось бы, друзья говорили Иову почти то же о непостижимости Божией. Но из этой непостижимости надо же сделать практические выводы, и не строить всеобъясняющих теорий, что стало уже настоящей болезнью современного человека. Непременно все "объяснить": хоть "железными" законами истории, хоть не менее "железным" "мировым заговором". "Где был ты..." — вот вопрос, осторегающий нас от гордыни.

Дальше происходит нечто странное.

"Я слышал о Тебе слухом уха, теперь же мои глаза видят Тебя; поэтому я отрекаюсь и раскаиваюсь в прахе и пепле" /42, 5-6/. Это говорит Иов в ответ на речь Бога о Своем мо-

гуществе, это он, добившись, наконец, встречи со своим Богом, раскаивается в прахе и пепле, так и не получив от Бога объяснения, почему же он все-таки страдал!

Заметим, что друзья Иова не каялись. Им и не в чем — они мудры, они рассуждают правильно. И вот они-то осуждены Богом, за то, что "говорили обо Мне не так верно, как раб Мой И_ов". Друзьям не нужна была встреча с Богом лицом к лицу; они верили, но в их вере не было риска, они верили на-верняка. Едва ли не с брезгливостью глядели они на вопящего Иова: страдание ведь так неблагообразно! Еще немногого, и перед нами так хорошо знакомый и распространенный во всех религиях тип законнического благочестия, всегда спокойного и правого, ничем не рискующего, тем более встречей с Богом: Зачем Бог, если мы и так ходим Его путями, нам уже известны? Так благочестие, как видим, может обойтись и без Бога.

А что же Иов? Он-то покаялся, он смирился смирением, ~~ка~~кое и не снилось его друзьям, но именно потому, что дерзал встречи с Богом и добился ее. Может быть, смирение и дерзание, которые так удобно противопоставить, на самом деле связаны, и одно без другого немыслимо? Может, пойдя до полной богооставленности, мы смиримся, понимая, что ничего не можем сами, только человеческими силами, но где же найти более дерзания, чем "из глубинызываю", из глубины страха, отвержения, страдания? Некому помочь, кроме Бога, но от Него-то дальше мы ушли, чем когда-либо. Остается надежда на невозможное, на тот третий выход, которого искал Иов и нашел.

Нашел? А где же объяснение страданий, смерти? Ведь об этом же вопил Иов!

Объяснения нет.

Его и не может быть. "Объяснить" — значит опять включить в какую-то систему, дать место в мире. Не объяснить, а преодолеть можно и страдания, и смерть. Только Бог мог явиться Иову, Бога-то он и звал. Только Бог, своим присутствием в мире, присутствием в страданиях и самой смерти, может

преодолеть их, вывести нас, как некогда Израиль из земли Египетской, из дома рабства.

"Рабами были мы в Египте". Рабами мы были у смерти и небытия. Но Сам Бог простил нам грехи и снял бессакония, Он умер с нами, чтобы мы воскресли с Ним, Он ответил действием Иову и всем нам, "смертию смерть поправ", Он открыл нам выход из Египта, из праха и пепла - Воскресение.

1979; 1983.
